

Круглова Л.К., доктор философских наук, профессор.

И.А. ИЛЬИН О ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЯХ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

В многогранном творчестве И.А. Ильина большое место занимает проблема культуры вообще и проблема фундаментальных ценностей русской культуры, в частности.

Понимание И.А. Ильиным своеобразия русской культуры базируется на его идее, согласно которой культура есть «живая, духовная, творческая, содержательная дорога навверх к святине, к совершенству человека»¹. Конечно, с точки зрения культурологии как строгой науки вряд ли можно рассматривать эту формулировку как определение культуры. Но нельзя не отметить, что в ней содержится указание на наиболее существенную сторону культуры, состоящую в том, что миссия, предназначение культуры заключается в развитии, совершенствовании человека. При этом каждая конкретная культура выполняет свою работу в соответствии с тем, что имеет в данной культуре статус «святости», т.е. высшей ценности.

Признание И.А. Ильиным человекотворческой миссии культуры приводит его к мысли, что основы всякой человеческой жизни и культуры должны быть едиными. Таковыми он считает свободу, любовь и предметность². При этом И.А. Ильин подчеркивает, что для выполнения культурой её высшей миссии - становление человека – ни одна из этих основ «...не должна быть упразднена или упущена»³, они не только должны быть едиными как для человеческой жизни, так и для культуры, но и быть едиными между собой.

Свобода, по Ильину, «...необходима человеческому инстинкту и духу, как воздух телу. Но она должна быть наполнена жизнью сердца и предметной воли. Чем больше сердца и предметной воли, тем менее опасны ему соблазны свободы и тем больший смысл приобретает она для него»⁴. Таким образом, согласно Ильину, свобода, при всём её значении для человека и культуры, не является абсолютной ценностью. Такой она становится только в соединении с сердечностью и предметностью. Вне этого

---

¹ Ильин И.А. О русской культуре// Ильин И.А. Собр. Соч. в 10 т. Том 6, книга II, М., «Русская книга», 1996, с.592.

² Ильин И.А. О воспитании в грядущей России // Ильин И.А. Собр. Соч. в 10 т. Том 2, книга II, М., «Русская книга», 1993, с.180.

³ Там же

⁴ Там же, с.181

единства она превращается в некое деструктивное начало. Однако, спасение от негативных последствий свободы, заключается по Ильину не в отмене свободы, а в «...её сердечном наполнении и предметном осуществлении»⁵.

«События последнего века показали нам, что свобода не есть последняя и самодовлеющая форма жизни: она не определяет ни содержания жизни, ни её уровня, ни направления. Свобода даётся человеку для предметного наполнения её, для предметной жизни, т.е. для свободной жизни в предмете»⁶ – эти слова звучат как нельзя более актуально в настоящее время, когда под знамена свободы становятся бандиты, фашисты и всякого рода отщепенцы.

Для полноты понимания идеи Ильина об основах человеческой жизни и культуры необходимо уточнить, какой именно смысл он вкладывал в понятие «предметность». На этот счет у Ильина есть очень чёткие разъяснения. «Жить предметно, - говорит он – значит связать себя (свое сердце, свою волю, свое воображение, свое творчество, свою борьбу) с такой ценностью, которая придаст жизни *высший, последний смысл*»⁷.

Предметность деятельности, творчества, чувства обеспечивается, на взгляд Ильина, той позицией, которую он называет «предстоянием». Именно чувство предстояния, задания, призванности и тесно связанные с ним чувство ответственности оберегает человека от использования свободы во зло, от понимания её как вседозволенности, произвола. Ильин подчёркивает, что «творящий без верховного начала, без идеала, перед которым он преклоняется, не творит, а произвольничает, балуется, тешит себя или просто безобразничает»⁸. Кстати, в качестве примера Ильин приводит в этом случае Пикассо и других модернистов⁹, которых он очень не жаловал.

Однако, согласно Ильину, человеческая жизнь и, соответственно, человеческая деятельность невозможна без ориентации на те или иные идеальные цели, которые он может не осознавать и не формулировать. Как подчеркивает Ильин, человек, «...который ничему не поклоняется, обманывает сам себя, ибо, на самом деле, он поклоняется себе самому и служит своей бездуховной и противодуховной похоти»¹⁰.

Итак, свобода, любовь и предметность в их единстве образуют, по Ильину, основу человеческой жизни и культуры. Кстати говоря, эту идею

---

⁵ Там же

⁶ Там же

⁷ Там же, с.182

⁸ Ильин И.А. О чувстве ответственности. // Ильин И.А. Собр. Соч. в 10 т. Том 2, книга II, М., «Русская книга», 1993, с.344.

⁹ Там же

¹⁰ Там же

можно рассматривать в качестве базы для ещё одного варианта решения проблемы типологии культуры, в дополнение к уже имеющимся в научной литературе¹¹. Критериями для выделения различных типов культуры могут быть в данном случае, во-первых, наличие или отсутствие каждой из названных основ в структуре того или иного типа и, соответственно, одноосновность, двухосновность или трехосновность типа. Кроме того, в качестве типологических признаков можно будет рассматривать доминирование одного из признаков, характер связи между ними и, наконец, содержательная сторона того свойства, которое Ильин называет предметностью, т.е. определение того, что является для той или иной культуры высшей ценностью, т.е. святыней.

Сам Ильин проблему типологии культуры не ставил в отчётливом виде, но именно с тех позиций, о которых речь шла выше, он определял, в чем состоит своеобразие и самобытность русской культуры, её фундаментальные ценности. На этот вопрос у Ильина есть совершенно чёткий ответ. «Русская идея есть идея сердца»¹², - говорит он. Смысл этой идеи, согласно Ильину, заключается в том, что главное в жизни есть любовь¹³, именно она является основной духовно-творческой силой русской души. «Без любви, - говорит Ильин, русский человек есть неудавшееся существо...без любви он или лениво прозябает или склоняется к вседозволенности»¹⁴. Излишне говорить, что об этой идее Ильина надо помнить в первую очередь различного рода реформаторам, ставящим себе целью преобразование тех или иных сторон жизни России. Надо отметить, что примеры использования этого свойства русской души можно найти в нашей недавней истории, но они, в основном, связаны с манипуляторскими действиями определенных политических группировок. Достаточно вспомнить, например, лозунг избирательной компании 1996 года «Голосуйте сердцем», который сыграл свою роль в обеспечении победы Ельцина на президентских выборах 1996 г.

Однако, при всем значении любви для русского человека и для русской культуры, она, по мысли Ильина, ни в коем случае не должна быть оторвана от двух других основ культуры – свободы и предметности. Именно этим единством определяется, как считал Ильин, путь грядущей России. «Ей нужно новое воспитание: в свободе и к свободе, в любви и к любви; - в

---

¹¹ См. об этом : Круглова Л.К. Культурология. СПб, СПбГУВК, с.140-145; Её же . Теория культуры. Часть III, Цивилизация. Культура. Гуманизм. СПб, СПбГУВК, 2009, с. 5-17

¹² Ильин И.А. О русской идее// Ильин И.А. Собр. Соч. в 10 т. Том 2, книга I, М., «Русская книга», 1993, с.420.

¹³ Там же

¹⁴ Там же, с.421

предметности и к предметности. Новые поколения русских людей должны воспитываться в сердечности и в предметной свободе»¹⁵.

Таким образом, в триединой формуле основ культуры, предложенной Ильиным – свобода, любовь, предметность – можно усмотреть глубокий внутренний смысл. Так, любовь – это то, что составляет энергетический потенциал человеческой деятельности и, следовательно, культуры. Свобода – это необходимое условие реализации энергетического потенциала, а предметность – это то, что определяет направленность энергетических потоков. Применительно к России это означает что у русской культуры, с её центрированностью на чувство, любовь, очень высокий энергетический потенциал, который, однако, может быть реализован только в условиях свободы. При этом столь же необходимым условием является правильный выбор цели, т.е. определение содержания «предметности», или, проще говоря, предмета любви.

Для Ильина ответ на этот вопрос очевиден: «Кто бы я ни был, каково бы ни было моё общественное положение, от крестьянина до учёного, от министра до трубочиста, - я служу России, русскому духу, русскому качеству, русскому величию – не «мамону» и не «начальству», не «личной похоти» и не «партии»; не «карьере», не просто «работодателю», но именно России, её спасению, её строительству, её совершенству, её оправданию перед лицом Божиим. Жить и действовать так, значит жить и действовать согласно главному, предметному призванию русского человека; это значит жить предметно, т.е. службу превратить в служение, работу в творчество, интерес во вдохновение, «дела» освятить духом Дела, заботы возвысить до замысла, жизнь освятить Идеей. Или, что то же самое, - ввести себя в предметную ткань дела Божия на земле»¹⁶.

Согласно Ильину, так понимаемая предметность «противоречит сразу – и безразличию и безоглядному своекорыстию, - этим двум чертам рабского характера»¹⁷.

В связи со сказанным выше, возникает вопрос, не содержит ли идея Ильина о необходимости служения России призыва к национальной обособленности, или, ещё того хуже, провозглашения национального превосходства русского народа над всеми другими народами и русской культуры над всеми другими культурами.

---

¹⁵ Ильин И.А. О воспитании в грядущей России // И.А. Ильин Собр. Соч. в 10 т. Том 2, книга II, М., «Русская книга», М., 1993, с.181.

¹⁶ Там же, с. 183

¹⁷ Там же

Чтобы убедиться в необоснованности этих подозрений, надо обратиться к тем работам Ильина, где речь идет об условиях исторического развития России, определивших своеобразие русской культуры и её роль в мировой культуре.

Обращаясь к этому вопросу, Ильин прежде всего подчеркивал, что *«...всякий другой народ, будучи в географическом и историческом положении русского народа, был бы вынужден идти тем же самым путем»*¹⁸. Согласно Ильину, ход русской истории сложился *«...не по произволу русских государей, русского правящего класса или, тем более, русского простонародья, а в силу объективных факторов, с которым каждый народ вынужден считаться»*¹⁹. В результате Россия превратилась не в механическую сумму территорий и народностей..., а в *органическое единство»*²⁰.

Это единство, как подчеркивает Ильин, было, прежде всего *«...географически предписано и навязано нам землёю»*²¹. Обстоятельства, обусловившие необходимость единства, Ильин рисует яркими красками. Он говорит: *«С первых же веков своего существования русский народ оказался на отовсюду открытой и лишь условно делимой равнине. Ограждающих рубежей не было; был издревле великий «проходной двор, через который валили «переселяющиеся народы», - с востока и юго-запада на запад...Возникая и слагаясь, Россия не могла опереться ни на какие естественные границы. Надо было или гибнуть под вечными набегами то мелких, то крупных хищных племен, или давать им отпор, замирать границу оружием и осваивать её. Это длилось веками; и только враги России могут изображать это дело так, будто агрессия шла со стороны самого русского народа...Россия была издревле организмом вечно вынужденным к самообороне»*²².

Другим обстоятельством, обусловившим своеобразие русской истории и русской культуры, было, как считает Ильин, то, что *«издревле ...Россия была географическим организмом больших рек и удаленных морей. Среднерусская возвышенность есть её живой центр: сначала «волоки», затем каналы должны были связать далёкие моря друг с другом, соединить Европу с Азией, Запад с Востоком, Север с Югом (подчеркнуто – ЛК). Россия не могла и не должна была стать путевой, торговой и культурной баррикадой; её мировое призвание было, прежде всего, творчески посредническое между*

---

¹⁸ Ильин И.А. Россия есть живой организм. // Ильин И.А. Собр. Соч. в 10 т. Том 2, книга I, М., «Русская книга», 1993, с.297.

¹⁹ Там же

²⁰ Там же

²¹ Там же

²² Там же, с. 298

культурами (подчеркнуто ЛК), а не замыкающееся и не разлучающее²³... Россия «...не должна была превращаться подобно Западной Европе, в «кочечно-коморучную систему мелких государств»²⁴. Её миссия заключается, по Ильину, в том, чтобы стать «...великим и вседоступным культурным простором»²⁵.

Развивая свою мысль далее, Ильин подчеркивает, что этот простор не может жить одними верховьями рек, не владея их выводящими в море низовьями. «Вот почему – всякий, всякий народ на месте русского вынужден был бы повести борьбу за устья Волги, Дона, Днепра, Днестра, Западной Двины, Нарвы, Волхова, Невы, Свири, Кеми, Онеги, Северной Двины и Печоры. Хозяйственный механизм суши всегда задыхается без моря»²⁶, категорически формулирует свою мысль Ильин и тут же предлагает своим оппонентам: «Заприте французам устье Сены, Луары и Роны..., перегородите германцам низовья Эльбы, Одера, лишите австрийцев Дуная – и вы увидите, к чему это поведет. А разве их массив суши может сравниться с русским массивом?»²⁷ - Задавая этот риторический вопрос, Ильин одновременно предостерегает тех, кто хотел бы «запереть Россию в её безвыходном лесном-степном территориальном блоке и превратить её в *объект общеевропейской эксплуатации, в пассивный рынок для европейской жадности*»²⁸. В связи с этим он говорит: «Нациям, которые хотят впредь загородить России выход к морям, надлежит помнить, что здесь дело идёт совсем не о том, чтобы «уловить поступь современности», как выражаются теперь современные сепаратисты русской равнины, и поскорее «расчлениваться», а о том, чтобы верно видеть проблему континентального размера и не становиться поперёк дороги мировому развитию. Не умно и не дальновидно вызывать грядущую Россию на новую борьбу за «двери её собственного дома», ибо борьба эта *начнётся неизбежно и будет сурово-беспощадна*»²⁹.

То, что Россия представляет собой не механическую сумму территорий, а некое органическое единство, в значительной мере обусловлено, согласно Ильину, также тем, что «отстаивая свою национальность, Россия *боролась за свою веру и религию*»³⁰. Это не только не привело к национальной ограниченности, но, напротив, явилось основой, обеспечившей мировое значение русской культуры. Ильин отстаивал ту

---

²³ Там же

²⁴ Там же

²⁵ Там же

²⁶ Там же

²⁷ Там же

²⁸ Там же

²⁹ Там же, с.298-299

³⁰ Там же, с. 299

идею, что «...Россия, как духовный организм, служила не только православным народам и не только всем народам евро-азиатского территориального массива, но и всем народам мира»³¹.

Это проистекает из того, что православная вера, согласно Ильину, есть особое, самостоятельное и великое слово в истории и в системе христианства³². Православие сохранило в себе и бережно растило то, что утратили все другие западные исповедания и что наложило свою печать на все ответвления христианства, магометанства, иудейства и язычества в России»³³.

В результате, как полагает Ильин, сложился тот феномен, который он называет «общенациональным братством, всенациональным сотрудничеством российских народов в русской культуре...»³⁴

Таким образом, Россия, по Ильину, представляет собой «...живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся ОРГАНИЗМ...Этот организм...есть географическое единство, части которого связаны хозяйственным взаимопитанием; этот организм... есть духовное, языковое и культурное единство, ...он есть государственное и стратегическое единство, доказавшее миру свою волю и свою способность к самообороне; он есть сущий оплот европейско-азиатского, а потому и вселенского мира и равновесия»³⁵.

Всё это дает Ильину основания для ответа на вопрос о возможном расчленении России. Как известно, это является «голубой мечтой» внешних и внутренних врагов России от её основания до наших дней. Ответ Ильина на этот вопрос совершенно категоричен: расчленение организма, каким стала Россия, «...явилось бы невиданной ещё в истории политической авантюрой, гибельные последствия которой человечество понесло бы на долгие времена»³⁶. Аргументы Ильина весомы, убедительны и звучат грозным предостережением современным политическим авантюристам всех мастей. Вот они: «Расчленение организма на составные части никогда не давало и никогда не даст ни оздоровления, ни творческого равновесия, ни мира. Напротив, оно всегда было и будет болезненным распадом, процессом разложения, брожения, гниения и всеобщего заражения. И в нашу эпоху в этот процесс будет втянута вся вселенная. Территория России закишит

---

³¹ Там же

³² Там же

³³ Там же

³⁴ Там же, с.301

³⁵ Ильин И.А. Что сулит миру расчленение России.// Ильин И.А. Собр. Соч. в 10 т. Том 2, книга I, М., «Русская книга», 1993, с.327

³⁶ Там же

бесконечными распрями, столкновениями и *гражданскими войнами*, которые будут перерастать в *мировые* столкновения. Это перерастание будет совершенно неотвратимым в силу одного того, что державы всего мира (европейские, азиатские и американские) будут вкладывать свои деньги, свои торговые интересы и свои стратегические расчеты в ново-возникшие малые государства (подчеркнуто ЛК), они будут соперничать друг с другом, добиваясь преобладания и «опорных пунктов»; мало того, - выступят империалистические соседи, которые будут покушаться на прямое или скрытое «аннексирование» неустроенных и незащищенных новообразований...Россия превратится в гигантские «Балканы»; в вечный источник войн; великий рассадник смут. Она станет мировым бродилом, в которое будут вливаться социальные и моральные отбросы всех стран («инфильтранты», «оккупанты», «агитаторы», «разведчики», революционные спекулянты, и «миссионеры» - все уголовные, политические и конфессиональные авантюристы вселенной). Расчлененная Россия станет неизлечимую язвой мира³⁷.

Чтобы избежать этой катастрофы вселенского масштаба, Россия, согласно Ильину, должна мобилизовать все силы своего организма, имея при этом в виду, что она, как уже говорилось выше, представляет собой не только государственное и стратегическое, но и духовное, языковое и культурное единство.

Для этого, как считал Ильин, вся русская культура должна быть выстроена в соответствии с русской идеей, т.е. идеей сердца, идеей любви, которая неизменно пробуждает в человеке то, что Ильин называет «живой совестью». Это, по Ильину, «...не совесть, угрызающая за несовершенство в прошлом добра или за совершение в прошлом зла, но совесть, как *творческая энергия*, энергия любви и воли, направленная вперед, к будущему, к предстоящим свершениям. Она же и дает человеку то высшее счастье на земле, которое выражается словами духовное *достоинство и призвание*».³⁸

Кроме того, одним из важнейших проявлений русской любви, определивших специфику русской культуры, Ильин считал «живое созерцание». «Созерцанию нас учило, прежде всего, наше равнинное пространство, наша природа, с её далями и облаками, с её реками, лесами, грозами и метелями. Отсюда наше неутолимое взирание, наша мечтательность, наша созерцающая «лень» (Пушкин), за которой скрывается сила творческого воображения. Русскому созерцанию давалась красота, принявшая сердце, и эта красота вносилась во всё – от ткани и кружева до

---

³⁷ Там же

³⁸ Ильин И.А. О чувстве ответственности // И.А. Ильин. Полное собр. Соч. в 10 т. Том 2, книга II, М., «Русская книга», М., 1999, с.345

жилищных и крепостных строений. От этого души становились нежнее, утонченнее и глубже; созерцание вносилось и во внутреннюю культуру – в веру, в молитву, в искусство, в науку и в философию. Русскому человеку присуща потребность *увидеть любимое* вживе и въяве и потом *выразить увиденное* – поступком, песней, рисунком и словом. Вот почему в основе русской культуры лежит *живая очевидность сердца*».³⁹

В связи с этим заставляют, если не согласиться, то, во всяком случае, серьёзно задуматься, суждения Ильина о политических предпочтениях русского народа, в понимании которого государство «...должно быть художественно и религиозно воплощено в едином лице – живом, созерцаемом, беззаветно любимом и всенародно «созидаемом» и укрепляемом этой всеобщей любовью»⁴⁰.

Своеобразие русской культуры выражается, по Ильину, и в понимании, во внешних проявлениях свободы. «Она выражается в *органической естественности и простоте*... Эта внутренняя свобода чувствуется у нас во всем: в медлительной плавности и певучести русской речи, в русской походке и жестикуляции, в русской одежде и пляске, в русской пище и в русском быту. Русский мир жил и рос в пространственных просторах и сам тяготел к пространственной нестесненности. Природная темпераментность души влекла русского человека к прямоте и открытости (святославова «иду на вы»...), превращала его страстность в искренность и возводила эту искренность к исповедничеству и мученичеству...»⁴¹.

Главный вывод из всего сказанного ранее заключается для Ильина в том, что сердце, созерцание, свобода и совесть составляют первичные качества (подчеркнуто Л.К.) русской культуры, а отличительные качества западной культуры воля, мысль, форма и организация являются для русской культуры вторичными качествами. Однако, как подчеркивает Ильин. «...самобытность русского народа совсем не в том, чтобы пребывать в безволии и безмыслии, наслаждаться бесформенностью и прозябать в хаосе; но в том, чтобы выращивать вторичные силы русской культуры (волю, мысль, форму и организацию) из её первичных сил (из сердца, из созерцания, из свободы и совести). Самобытность русской души и русской культуры выражается именно в этом распределении её сил на первичные и вторичные: первичные силы определяют и ведут, а вторичные вырастают из них и применяют от них свой закон»⁴².

---

³⁹ Ильин И.А. О русской идее.// Ильин И.А. Собр. Соч. в 10 т. Том 2, книга I, М., «Русская книга», 1993, с.422

⁴⁰ Там же

⁴¹ Там же, с.423

⁴² Там же, с. 428

Из всего этого выросло, как считает Ильин, глубокое различие между западной и русской культурой. «У нас вся культура - иная, своя... У нас совсем иные храмы, иное богослужение, иная доброта, иная храбрость, иной семейный уклад; у нас совсем другая литература, другая музыка, театр, живопись, танец; не такая наука; не такая медицина, не такой суд, не такое отношение к преступлению, не такое чувство ранга, не такое отношение к нашим героям, гениям и царям»⁴³.

Согласно Ильину «явления русской культуры – уникальный духовный организм; ...это совсем не некая возникшая по недоразумению и заблуждению секта единственно спасительной западноевропейской культуры; не смесь анархии, варварства и подражания, которая легко может разложиться и разложится; не состряпанная на скорую руку машина, в которую без проблем можно установить новый, чужой церковный «двигатель» или новую интеллигентскую надстройку»⁴⁴.

В соответствии с этим Ильин настаивает на том, что вся русская культура, которая призвана обеспечить дальнейшее развитие России и её всемирное значение, должна быть построена не в стороне и не вопреки, а на основе тех ценностей, которые определяют её своеобразие. Это касается всех сфер и явлений культуры. Особое место среди них он отводил искусству, науке и праву. Так, «русское искусство - призвано блюсти и развивать тот дух любовной созерцательности и предметной свободы, которым оно руководствовалось доньше. Мы отнюдь не должны смущаться тем, что Запад совсем не знает русскую народную песню, еле начинает ценить русскую музыку и совсем ещё не нашёл доступа к нашей дивной русской живописи. Не дело русских художников (всех искусств и направлений) заботиться об успехе на международной эстраде и на международном рынке – и приспособливаться к их вкусам и потребностям, - им не подобает «учиться» у запада ни его упадочному модернизму, ни его эстетической бескрылости, ни его художественной беспредметности и снобизму. У русского искусства есть свои заветы и традиции, свой национальный творческий акт: нет русского искусства без сердечного созерцания, нет его без свободного вдохновения; нет, и не будет его без ответственного, предметного и совестного служения»⁴⁵.

Особого внимания заслуживают суждения Ильина о науке, которая, согласно весьма распространенному мнению, заведомо лишена национального своеобразия. Вопреки этому, Ильин считал, что русская наука

---

⁴³ Ильин И.А. Против России.// Ильин И.А. Что сулит миру расчленение России.// Ильин И.А. Собр. Соч. в 10 т. Том 2, книга I, М., «Русская книга», 1993, с.64

⁴⁴ Ильин И.А. Творческая идея России// Ильин И.А. Собр. Соч. в 10 т. Том 6, книга II, М., «Русская книга», 1996, с.594.

⁴⁵ Ильин И.А. О русской идее.// Ильин И.А. Собр. Соч. в 10 т. Том 2, книга I, М., «Русская книга», 1993, с.428-429

«...призвана вырабатывать свое мировосприятие, свое исследование»⁴⁶. Однако, как подчеркивал мыслитель, «это совсем не значит, что для русского человека «необязательна» единая общечеловеческая логика, или что у его науки может быть другая цель, кроме предметной истины. Напрасно было бы толковать этот призыв, как право русского человека на научную недоказательность, безответственность, на субъективный произвол или разрушительное безобразие. Но русский ученый призван вносить в своё исследование начала сердца, созерцательности, творческой свободы и живой ответственности совести»⁴⁷.

Чтобы достичь этого, русская наука, как считал Ильин, должна «подняться к созерцанию целого». Русский ученый «...призван созерцать жизнь природного организма; видеть математический предмет; зреть в каждой истории дух и свободу своего народа; растить и укреплять правовую интуицию; видеть целостный экономический организм своей страны; созерцать целостную жизнь изучаемого им языка; врачебным зрением постигать страдания своего пациента»⁴⁸.

Оценивая эти идеи Ильина, нельзя не отметить, что осмысление концепта «целостность» является одним из самых продуктивных направлений поиска методологических основ современной науки.

Будучи юристом по образованию, Ильин особое место в будущей русской культуре отводил праву и правоведению. По его идее, они, прежде всего, «...должны оберегать себя от западного формализма, от самодовлеющей юридической догматики, от правовой беспринципности, от релятивизма и сервилитета. России необходимо новое правосознание, национальное по своим корням, христиански-православное по своему духу и творчески содержательное по своей цели. Для того, чтобы создать такое правосознание, русское сердце должно увидеть духовную свободу, как предметную цель права и государства, и убедиться в том, что в русском человеке надо воспитать свободную личность с достойным характером и предметной волей»⁴⁹.

Эти идеи Ильина отсылают нас к дискурсу о законе и благодати, весьма характерному для русской культуры. Представление о нём могут дать взгляды Б.П. Вышеславцева и С.Л. Франка, которые, так же как и Ильин, относились к числу наиболее авторитетных деятелей русской эмиграции в 20е-50е годы XX века.

---

⁴⁶ Там же, с. 429

⁴⁷ Там же

⁴⁸ Там же, с.430

⁴⁹ Там же

Так, главный труд Б.П. Вышеславцева «Этика преображенного эроса» имеет подзаголовок «Проблемы закона и благодати». Отсюда видно, какое место занимает этот вопрос в творчестве Б.П. Вышеславцева. Ответ на него имеет у Б.П. Вышеславцева достаточно определённый характер. На его взгляд, в христианской этике, или лучше – христианской аксиологии, как она обоснована в Евангелии и раскрыта в посланиях апостола Павла, «закон как императивная норма, регулирующая внешние деяния, как заповедь «плотская» и человеческая – противопоставляется свободному преображению сердца, пребыванию в Духе и в любви, творчеству, вытекающему из веры, из непосредственной интуиции Божества и полученной благодати»⁵⁰. Согласно В.П. Вышеславцеву, самое ценное в законе – это борьба со злом и запрещение преступления. Однако, в этой борьбе закон постоянно терпит неудачу. «Происходит это оттого, что радикальное преодоление зла с христианской точки зрения достигается не внешним пересечением зла, не обратным злом, а положительным созиданием добра. Но закон не есть высшая творческая сила. Высшая творческая сила есть любовь. Более того, любовь есть высшая ценность и святость, венец достижений, ибо «Бог есть любовь»⁵¹. Решающий аргумент в пользу своей идеи В.П. Вышеславцев находит в словах апостола Павла о том, что конечная «цель» евангельского провозвестия «есть *любовь* от чистого сердца, доброй совести и нелицемерной веры, а именно в этих сферах, на взгляд Б.П. Вышеславцева, закон не действует: нельзя приказывать или запретить любить; нельзя приказывать или запретить «нелицемерно верить», ибо вынудить можно только лицемерие»⁵²

Исходя из этого, В.П. Вышеславцев полагал, что «закон может быть нарушен, если конкретное творчество любви разрывает формальные рамки нормы, как общего правила, не могущего предусмотреть всего богатства конкретных ситуаций»⁵³

В противоположность этому, С.Л. Франк считал, что право, с его жесткой нормативностью, тем не менее, не противоречит основам нравственной жизни, коими являются свобода и любовь. Согласно С.Л. Франку, «система публичных прав дает отдельным членам общества – будь то индивиды или коллективные органы – обеспеченную правом возможность свободного духовного творчества»⁵⁴, которая может быть реализована и в такой форме как участие в государственном строительстве. На взгляд С.Л. Франка, попытки отменить право и полагаться во всем на нравственность,

---

⁵⁰ Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса. – М.: Изд-во «Республика», 1994, с.21

⁵¹ Там же, с. 20

⁵² Там же

⁵³ Там же, с.21

⁵⁴ Франк С.Л. Духовные основы общества, - М.: Изд-во «Республика», 1992, с.390

приводят к более негативным последствиям, чем те, которые связаны с недостатками права как регулятора общественной жизни.

Как нетрудно заметить, И.А. Ильин в решении вопроса о законе и благодати, законе и нравственности стремится избежать крайностей. Его идею о новом правосознании, которое необходимо России, можно рассматривать как попытку примирения тех позиций, которые были представлены Б.П. Вышеславцевым и С.Л. Франком. И.А. Ильин не отрицает ни закона, ни благодати. Фактически у него речь идёт о законе, проникнутом духом благодати.

В этом же направлении решается Ильиным и вопрос о государственном строе, который необходим России. На его взгляд, «это должен быть строй, в котором свобода раскрыла бы ожесточённые и утомленные сердца, чтобы сердца по-новому прилепились бы к родине и по-новому обратились к национальной власти с уважением и доверии»⁵⁵.

Особого внимания заслуживают идеи И.А. Ильина об образовании и о необходимости его неразрывной связи с воспитанием. Образованность, на взгляд Ильина, ещё не есть культура⁵⁶. Он отстаивает ту мысль, что «...никакое разностороннее умение – чтение, письмо, печатание на пишущей машинке, знание, спорт, технические способности – не гарантируют истинно культурного созерцания; перегруженная память – только оружие, инструмент, арсенал, только потенциал возможной культуры»⁵⁷. Заостряя эту мысль, Ильин утверждал, что в отрыве от воспитания образованность не только не реализует свой культурный потенциал, но и превращается в свою противоположность, в разрушительную силу. Согласно Ильину, «...образование, само по себе, есть дело *памяти, смекалки и практических умений* в отрыве от *духа, совести, веры и характера*».⁵⁸ Более того, по мысли Ильина, «образование без воспитания не формирует человек, а разнуздывает и портит его...».⁵⁹ Думается, излишне говорить о том, каким суровым приговором это звучит инициаторам реформ современного российского образования, в ходе которых оно оказалось совершенно оторванным от воспитания, что имеет своим следствием негативные явления не только в культуре, но и в экономике.

---

⁵⁵ Ильин И.А. О русской идее.// Ильин И.А. Собр. Соч. в 10 т. Том 2, книга I, М., «Русская книга», 1993, с.430-431

⁵⁶ Ильин И.А. Творческая идея России // И.А. Ильин. Собр. Соч. в 10 т. Том 6, книга II, М., «Русская книга», М., 1996, с.591

⁵⁷ Там же

⁵⁸ Ильин И.А. О воспитании в грядущей России // И.А. Ильин. Собр. Соч. в 10 т. Том 2, книга II, М., «Русская книга», М., 1993, с.178

⁵⁹ Там же

Принципиальным для проблематики своеобразия русской культуры является вопрос о возможности заимствований из другой культуры. Ответ Ильина на этот вопрос имеет совершенно бескомпромиссный характер: он считает, что чужая культура, пусть даже превосходная, это цветок с чужой почвы, чужого климата, продукт чужой жизни, содержание чужеродного действия»⁶⁰, поэтому «если кто из неё что-то берёт, он наносит ущерб своему собственному, свободному, национально-творческому акту»⁶¹. Однако, утверждая, что «принцип перенимания чего-либо ложен», Ильин вместе с тем признаёт, что возможен «творческий перенос». Он имеет место тогда, когда на основе собственного нового содержания используются направление и метод, сформулированные кем-то раньше. Таким образом, по Ильину, «творческий перенос может быть славным, но тогда он уже будет считаться не переносом, а творческим делом»⁶².

Оценивая значение духовного наследия И.А. Ильина, нельзя пройти мимо того факта, что важнейшая из фундаментальных ценностей русской культуры любовь находится в явном противоречии с его идеей о сопротивлении злу силою. При этом надо отметить, что вторая из названных идей нашла подробное и обстоятельное обоснование в специальной работе «О сопротивлении злу силою» и имела гораздо большее воздействие на современников, нежели идея любви. Обращает на себя внимание, что сам Ильин приложил немало усилий к тому, чтобы согласовать между собой эти две идеи, подчеркивая, что «...любовь кончается там, где начинается зло...»⁶³. Один из самых мощных аргументов И.А. Ильина в пользу тезиса о необходимости сопротивления злу силою заключается в том, что «обиженный может и должен простить *свою* обиженность...», но он не имеет права «...прощать от себя злодеям, творящим поругание святыни, или злодейское соблазнение малолетних, или гибель родины»⁶⁴. Однако, соглашаясь с этими аргументами, нельзя не отметить, что идея Ильина о сопротивлении злу силою представлена у него несколько односторонне и нуждается в существенных дополнениях. В связи с этим необходимо, как представляется, вновь обратиться к идее, которая, как уже было сказано, была выдвинута и обоснована Б.П. Вышеславцевым. Она заключается в том, что радикальное преодоление зла возможно только за счет положительного созидания добра.⁶⁵ Здесь обращает на себя внимание, что речь идёт именно о

---

⁶⁰ Ильин И.А. Творческая идея России. // И.А. Ильин. Собр. соч. в 10 т. Том 6, книга II, М., «Русская книга», М., 1996, с.619

⁶¹ Там же

⁶² Там же

⁶³ Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // И.А. Ильин. Собр. соч. в 10 т. Том 5, М., «Русская книга», М., 1996, с.141

⁶⁴ Там же, с. 145

⁶⁵ Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса. –М.; Изд-во «Республика», 1994, с.20

радикальном преодолении зла, т.е. о преодолении решительном, в конечном счете. Представляется, что синтез этих идей возможен как в теоретическом, так и в практическом планах. С одной стороны, нельзя не признать, что во многих ситуациях необходимо сопротивление злу силой. Но, с другой стороны, нельзя забывать о том, что борьба, сопротивление – это необходимый, но недостаточный способ преодоления зла. Радикальная победа над злом достигается за счет созидательной деятельности во имя любви и добра.

Представляется, что это имеет прямое отношение к чрезвычайно важной теме, проходящей красной нитью через всё творчество Ильина. Это тема существенной асимметрии во взаимоотношениях России – Запад и Запад-Россия. Так Ильин отмечает, что «...наша душа открыта для западной культуры: мы её видим, изучаем, знаем и если есть чему, то учимся у неё; мы овладеваем их языками и ценим искусство их лучших художников, у нас есть дар вчувствования и перевоплощения»⁶⁶.

В противоположность этому, Западная Европа, по Ильину не знает России. С этим связаны весьма негативные следствия, потому что «...неизвестное всегда страшновато. А Россия по численности своего населения, по территории и по своим естественным богатствам огромна. Огромное неизвестное переживается всегда как сущая опасность»⁶⁷.

Страх и опасения Запада перед лицом неизвестной и непонятной для него России в свою очередь «оборачиваются» постоянной опасностью для России. Ильин описывает этот процесс «оборачивания» довольно подробно и убедительно. Он говорит: «...Страх унижает человека, поэтому он прикрывает его презрением и ненавистью, фантазирует, злопыхательствует и выдумывает,... Но европейское большинство и особенно его демократические министры – кормятся незнанием, боятся России и постоянно мечтают о её ослаблении».⁶⁸

С сожалением можно отметить, что картина, нарисованная Ильиным, как будто списана с современной действительности. В связи с этим возникает вопрос, что делать в такой ситуации. И здесь, видимо, полезно вспомнить об идее радикального преодоления зла за счёт положительного создания добра. В соответствии с этим необходимы не только сопротивление, борьба, укрепление военной мощи, но и, в первую очередь и главным образом, тщательная, напряженная работа, направленная на строительство процветающей России, привлекательность которой для людей всего мира преодолит все кордоны незнания, недоверия и вражды.

---

⁶⁶ Ильин И.А. Против России.// Ильин И.А. Собр. Соч. в 10 т. Том 2, книга I, М., «Русская книга», 1993, с.64

⁶⁷ Там же, с.65

⁶⁸ Там же

Обсуждая эти проблемы, нельзя не отметить, что в творчестве, да и в биографии И.А. Ильина мотив борьбы, сопротивления оказался всё-таки доминирующим по отношению к мотивам созидания, любви. Определенная односторонность свойственна ему и в решении ряда других вопросов.⁶⁹ В связи с этим возникает принципиальный вопрос об отношении к духовному наследию прошлого. Представляется, что он может быть решен только одним способом: бережное отношение к духовному наследию должно выражаться в максимальном использовании всего ценного, что имеется в нём, и в пресечении всяких попыток принизить значение духовного наследия на том основании, что в нем имеются моменты, не во всём созвучные современности. При этом надо иметь ввиду, что эта «несозвучность» может быть кажущейся, и при изменении ситуации нечто «устаревшее» станет восприниматься как новое и требующее немедленного осмысления.

Это в полной мере относится к комплексу идей Ильина, связанных с проблематикой своеобразия русской культуры, её фундаментальных ценностей. Эти идеи могут и должны использоваться в качестве одного из концептуальных оснований культурной политики всех уровней в нашей стране. Кроме того, идеи И.А. Ильина о свободе, любви, предметности как основании человеческой жизни и культуры имеют большой методологический и эвристический потенциал в решении вопросов, связанных с определением отношения к проектам глобальной культуры и поискам системообразующих ценностей, которые сделали бы возможным само её существование⁷⁰.

---

⁶⁹ См. об этом: Евлампиев И.И. От религиозного экзистенциализма к философии православия: достижения и неудачи Ивана Ильина // И.А. Ильин: pro et contra. Антология. Изд-во Русского Христианского гуманитарного института. СПб, 2004, с.7-64

⁷⁰ См. об этом: Круглова Л.К. Проект глобальной культуры: pro et contra. // Семиозис и культура: интеллектуальные практики. Монография, Сыктывкар, 2013, с.56-63.

Её же: Проект глобальной культуры: поиск системообразующих ценностей. // Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации. XIII Международные Лихачевские чтения. СПб, 2013, с.307-309

Её же: Человек-Природа-Общество-Культура: социокультурная антропоэкология. СПб, 2013, 118 с.